

СОВРЕМЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РАСКОЛЕ.

**I. Изгнание Белокриницкого митрополита из Москвы.
II. Окружное послание раскольничьих архиереев и
возбужденные им волнения между раскольниками.
Соч. Н. С–на. Москва. 1863.**

Раскол составляет загадочное явление в русской жизни. По совершенно справедливому замечанию автора рассматриваемой брошюры, мы гораздо обстоятельнее знаем о том, что делается в Мексике, нежели о том, что такое этот раскол, которого имя с некоторого времени так часто слышится. Какая причина глубокого мрака, окутывающего явление до такой степени нам близкое, об этом мы объясняться не считаем удобным, но не можем, однако ж, не указать на тот факт, что до сих пор наша так называемая публика знакомилась с расколом исключительно по сочинениям, направленным в одну сторону и изображающим не столько сущность дела, сколько обрядовые его признаки. Понятно, что, при таком одностороннем, да к тому же еще и недостаточном знакомстве, живого представления о расколе возникнуть не могло; понятно также, что большинство публики должно было составить понятие о расколе как о чем–то мертвом, вращающемся исключительно в сфере сугубой аллилуйи и перстосложения. Какое представление имеет о расколе, или точнее сказать, о внутренней его сущности, простой народ и каким образом он к нему относится — этого мы тоже не знаем, или знаем очень смутно и поверхностно.

400

Между тем имеются некоторые признаки, по которым можно догадываться, что раскол, рассматриваемый как явление генерическое, далеко не исчерпывается одними

обрядовыми, формальными разногласиями. Первый признак такого рода составляет его непосредственная живучесть, несмотря на неблагоприятную для него обстановку; второй — замечательная сила прозелитизма, которая постоянно ему сопутствует от первых моментов его возникновения до настоящей минуты; третий, наконец, признак — это чрезвычайная солидарность, которая обыкновенно связывает всех последователей одной и той же секты или толка. Все эти признаки, даже не прибегая к подробному и глубокому их анализу, имеют силу достаточно решительную, чтоб опровергнуть слишком поверхностные и опрометчивые суждения об этом замечательном явлении. И мы очень рады, что автор «Современных движений», по-видимому, близко знакомый с внутренней жизнью одного из разветвлений раскола, с самого начала считает нужным сделать оговорку, именно в этом смысле.

Нынешнее царствование принесло много облегчений раскольникам, и притом весьма значительных. Подробности этих облегчений известны публике только отчасти, но благоприятное их действие не подлежит никакому сомнению, и притом выражается довольно наглядно. Относительное спокойствие и свобода, которыми ныне обладают раскольники в пользовании общими правами, достаточно доказывают, что взгляд администрации на это дело подвергся изменению весьма существенному, а вместе с тем видоизменилась и самая система действий, направленных против распространения и утверждения расколоучений. Нет уже того горячего преследования, того непрерывного процесса, который, еще в весьма недавнее время, неутомимо вчинался против раскольников и составлял отличительную черту отношений администрации к расколу; нет и того далеко не гуманного воззрения, в силу которого раскольник ни у

себя дома, ни вне своего дома не признавался полным гражданином: в этом отношении раскольники сравнены со всеми. Сверх того, самая среда, в которой жили и действовали раскольники, значительно изменилась, и притом изменилась к лучшему. Не стало, например, крепостного права, в осуждении которого согласны были все расколоучения. И если все эти облегчающие условия еще не выразились в форме совершенно ясного и постоянного правила, то это происходит, очевидно, от того, что история вообще совершает свое течение довольно туго. Но поводов ссылаться в этом случае на какую-то случайность и зыбкость решительно нет никаких.

401

Раскольники прежде всего должны были почувствовать эту перемену системы на самих себе и на своих отношениях к церкви. И тут-то именно прежде всего оказалось, что враждебность раскола основывалась отнюдь не на одних обрядовых разностях и так называемых новшествах, но на причинах несравненно более глубоких и жизненных. Если бы дело шло только об обрядах, то в отношениях раскола к господствующей церкви не могло бы вкрасться никакой перемены, ибо разность в обрядах существует все в одной и той же степени, не умаляясь и не увеличиваясь. Стало быть, если оказываются признаки подобной перемены, то мотивировать их должно нечто совершенно другое. Это нечто, по нашему мнению, заключается именно в тех изменениях экономических и юридических условий народного быта, которые принесло с собой нынешнее царствование. Получилась ббльшая или меньшая свобода располагать своею личностью, достигнута ббльшая или

меньшая возможность устраиваться у себя дома с некоторою уверенностию, не опасаясь беспрестанного и не всегда полезного вмешательства местных административных властей во внутренний распорядок домашних дел. При этой новой обстановке общественный характер раскольничьего протеста терял часть своих оснований и вынужден был сузиться; живое дело ускользало из рук за постепенным приведением его в действие. Естественно, что и в среде раскольников должно было повториться то же самое явление, которое первоначально отразилось на так называемом русском обществе; а именно: некоторая довольно значительная часть этого общества, находившаяся до известной минуты в неприязненных отношениях к действительности, увидев, что мечты и желания ее осуществились, вдруг перестала мечтать и желать. Естественно также, что новые порядки и новая обстановка должна была коснуться и раскола и произвести в нем некоторые колебания. В особенности же сильно должно было отразиться это явление в секте поповщинской, которая и без того захватывала жизненные вопросы менее глубоко и радикально, нежели прочие раскольничьи секты.

Историю одного из таких колебаний рассказывает нам теперь г. С–н, и брошюрка его должна иметь для нас тем большую важность, что в ней идет дело о старообрядцах–поповщинцах, занимающих, как известно, самое видное место в общей старообрядческой семье.

Известно, что в сороковых годах нынешнего столетия поповщинцы успели добыть себе архиерея, в лице бывшего боснанского митрополита Амвросия, лишеного кафедры и находившегося под запрещением. Амвросий держался недолго,

однако успел посвятить другого архиерея, Кирилла, который сделался его преемником и продолжает править раскольничьей митрополией до сих пор. Местопребывание раскольничьего митрополита находится в Белокриницком монастыре, в Буковине (в австрийских владениях). В Москве большинство старообрядцев–поповщинцев признало сперва Амвросия, а потом и Кирилла верховными пастырями новой иерархии, и впоследствии число епископов австрийского рукоположения возросло до значительной цифры (см. статью г. Мельникова «Старообрядческие архиереи», «Русский вестник» за 1863 г., № 6).

Дело, по–видимому, шло к общему удовольствию, но в феврале нынешнего года случилось в Москве что–то такое, что дало ему совершенно иной оборот. Автор не рассказывает подробности события, а говорит только, что в обществе московских старообрядцев «произошли какие–то беспорядки», однако ж можно догадываться, что «беспорядки» эти были совсем другого рода, нежели те, которые описывает о. Андрей Иоаннов в своем сочинении «Известие о Стригольниках». В последних на первом месте были формальности и разногласия об обрядах, между тем как в февральских «беспорядках» главное место занимали вопросы самого существенного, интимного свойства; а именно, дело шло: во–первых, о независимости русской старообрядческой церкви от австрийского главного иерарха и, во–вторых, о рассмотрении, в самой их сущности, отношений поповщинского толка как к господствующей церкви, так и к другим старообрядческим согласиям. Эта последняя задача в особенности замечательна, потому что она включает в себе не что иное, как поверку всего внутреннего содержания секты. Автор совершенно

справедливо говорит, что поповщинцы с каждым днем всё более и более утрачивают свой авторитет, а беспоповщинцы всё более и более приобретают значение. Действительно, поповщинская секта составляет какой-то недоносок, постоянно находящийся на распутии, постоянно питающийся чужими сектами и не преследующий никакой своей собственной, ясно определенной цели. Поэтому-то она и представляет обширное поприще для колебаний, поэтому-то дело внутренней поверки стоит у нее всегда на первом плане и составляет вечное *memento mori*¹, свидетельствующее о недостаточной глубине и крайней зависимости ее содержания.

Беспорядки в московском обществе были таковы, что некоторые влиятельные прихожане Рогожского кладбища серьезно

403

встревожились ими и признали за нужное вызвать в Москву самого лжемитрополита Кирилла. Кирилл приехал; на пути он был в Петербурге, где местные старообрядцы устроили ему парадную встречу. В Москве его приняли также с большим почетом. Прежде всего, он созвал «собор» для устройства церковных дел. Первый вопрос, который возник на этом «соборе», касался назначения епископа, который управлял бы всею, как называют раскольники, «российскою церковью». Назначен был Афанасий, лжеепископ саратовский, но назначен условно, *до особого благоустройства*. Очевидно, Кириллу тяжело было уступить часть своей власти.

Такая уклончивость, разумеется, не могла быть по сердцу «собору»: в ней видели только внушение личного

¹ помни о смерти.

интереса лжеиерарха. Сверх того, в то же время возникла польская смута; раскольники почувствовали потребность выяснить свои отношения к ней, пришли к необходимости оправданий и заявлений. Подобно «московским студентам», очищавшимся в «Дне», и они сознавали за собой нечто такое, что требует «очищения». На сцену выступили «благоразумнейшие», и автор совершенно справедливо дает понять, что преобладающим мотивом, вызвавшим с их стороны движение, было опасение «неблагоприятных последствий для всего общества старообрядцев». Это опасение, прибавим мы от себя, конечно, совершенно неосновательно, но таково уже свойство всякого рода секретных занятий, что они, основательно или неосновательно, но вынуждают во всякое время чего-нибудь опасаться.

«Благоразумнейшие» составили прошение на имя лжеосвященного собора и в прошении этом, обращая внимание на политическое значение пребывания Кирилла в Москве, требовали, чтоб он немедленно выехал из столицы «и даже из России». «Собор» дал знать об этом Кириллу, а так как он все-таки медлил отъездом, то 10 марта послана была ему грамота, в которой требовалось, чтоб он «не отягощал более своим здесь бесполезным и даже опасным существованием для мирных христиан сей столицы, сей час же с Сергием и Филаретом отправился обратно в Белую Криницу, с тем что за противозаконные, никак не терпимые церковью деяния он, с наложением запрещения от священнодействия, подлежит суду *большого освященного собора*». Кириллу ничего больше не оставалось делать, как повиноваться.

Таким образом, на Рогожском кладбище был сделан первый шаг к освобождению «российской»

старообрядческой церкви от влияния австрийской иерархии, а вместе с тем, выказался во всей силе тот повсеместно существующий у всех

404

раскольников факт, который доказывает, что там в делах церкви решительный голос имеют не так называемые «соборы», а простые миряне, прихожане. Это последнее предположение еще более подтверждается протестом гуслицких раскольников, о котором будет сказано ниже. Затем, окончательное обособление «российской» старообрядческой церкви совершилось уже в прошлом августе, когда старообрядческие архиереи соборною своею властью возвели Антония, лжеархиепископа владимирского, в сан митрополита московского и всея Руси. Слышно, что и на этом дело не остановилось, что и Антоний уже низложен, а на место его в сан митрополита возведен другой.

Но рядом с этим событием совершилось и другое, по крайней мере, настолько же естественное и необходимое, как и первое; а именно: произошла проверка самой сущности поповщинского раскола и его отношений к господствующей церкви с одной стороны, и к прочим раскольническим разветвлениям с другой. Мы уже сказали выше, что секта поповщинцев, более, нежели всякая другая, представляет обширное поприще для всякого рода колебаний. В смысле социальном, она не идет, подобно многим беспоповщинским сектам, до отрицания основ, которые признаются существенным условием для всякого законно организованного общества, и следовательно, с этой стороны, руки у них развязаны. Протест ее ни глубиною, ни размерами своими не превосходил того протеста, который заявлялся

московскими публицистами 1856 и 1857 годов, не шел далее некоторых частных, положим, довольно существенных, но все-таки далеко не исчерпывавших *всего* положения. Следовательно, как только те частные стеснения, которые сообщали этому протесту жизненный характер, устранились сами собою, то поповщинцам оставалось одно из двух: или примириться с господствующею церковью, которая даже предлагает в этих видах весьма удобное средство (единоверие), или же идти далее на пути отрицания, то есть сблизиться с беспоповщинцами. И действительно, обнаруживающееся ныне между прихожанами Рогожского кладбища движение именно обнаруживает этот двойственный характер. Покамест дело, конечно, ограничивается одними колебаниями, но, во всяком случае, уже и то важно, что поповщинцы сознали, наконец, всю неестественность своего положения, всю ненужность и несвоевременность своего протеста.

Двадцать четвертого февраля, в то самое время, когда «беспорядки», для усмирения которых так спешил в Москву лжемитрополит Кирилл, не только не утихли, но приняли еще более серьезный и горячий характер, старообрядческие

архиереи (очевидно, без участия Кирилла) издали очень любопытный документ под следующим названием: «Окружное послание возлюбленным чадам единыя, святыя, соборныя, апостольския, древлеправославно-кафолическия церкви, всем и повсюду пребывающим». Этот замечательный документ служит очевидным доказательством того тягостного, а отчасти и нелепого положения, в которое поставлены современные

поповщинцы. «Послание» писано, по наружности, с целью полемической и кажется направленным исключительно против беспоповщинской пропаганды (угрожающей, как кажется, сильною опасностью всей поповщине), но, в сущности, оно заключает в себе не что иное, как попытку примирения с господствующей церковью. По крайней мере, в нем торжественно признается, что последняя ни в чем существенном нисколько не отступила от чистоты православия, — и это признание, по нашему мнению, есть единственный факт, на котором можно остановиться с уверенностью. Правда, что, при дальнейшем, более подробном рассмотрении вопроса о поводах к несогласиям, «Послание», между прочим, поименовывает и такие, которые оно называет «новодогматствованиями» и без устранения которых, по мнению его, полное согласие невозможно, однако ж не нужно много проницательности, чтобы заметить, что это не более как простое празднословие, подходящее под категорию таких же невинных соображений, какие заставляют страуса думать, что если он спрячет голову под крыло, то охотник уж его и не увидит (далее окажется на деле, что такие опытные охотники, каковыми оказались гуслицкие раскольники, усмотрели, однако ж, голову страуса). Г–н С–н видит в этом послании непоследовательность и противоречие самому себе и говорит, что заключающиеся в нем «несообразности очень легко могут внушить (кому?) подозрение относительно искренности тех благосклонных отзывов о церкви, которые встречаются в *Послании* и которых доселе не встречалось ни в одном из старообрядческих сочинений». Напрасно. Тут действительно есть непоследовательность, но эта непоследовательность совсем не из рода тех, которые могут внушать опасения или подозрения. Это непоследовательность не преднамеренная, а, так сказать,

органическая; это обычный плод колебания; это тысячекратное повторение того образа действия, который так рельефно воссоздается русской поговоркой: «Собака волка дерет: и драть не умеет, и не драть не смеет».

Тем не менее действие, произведенное «Окружным посланием» на раскольников–поповщинцев, далеко не отвечало тем надеждам, которые, по–видимому, возлагали на него «благоразумнейшие»

406

и сам лжеосвященный собор. Преимущественно возмутились против него поповщинцы гуслицкие, которые и протестовали в самых резких и не терпящих никаких уступок формах. «Молим мы, — говорят они, — уничтожьте новые составленные мнения *Окружного Послания*, а мы его не приемлем, но боимся, не пострадать бы, как пострадала церковь во время Никона патриарха...»

Поводы, которые побудили гуслицких и других раскольников отозваться так жестко на *Окружное Послание*, обрисованы г. С–ным довольно неясно. По изложению его выходит, что здесь главную роль играет обрядовая сторона дела, но такое заключение явно противоречит тому мнению о сущности раскола, которое он предпослал своей брошюре и с которым мы вполне согласны. Мы разъясняем себе совершенно иначе. Не надо забывать, что здесь речь идет исключительно об одной поповщине, а эта секта, как мы уже сказали выше, по самой своей внутренней сущности, представляет, в настоящее время, почти совершенный non–sens¹, поражающий своею бессодержательностью и ненужностью. Такие отрицательные качества, конечно, не

¹ бессмыслица.

привлекут к ней много прозелитов, но в то же время дают ей полную возможность свободно протягивать руки во все стороны. И если можно предположить, что «благоразумнейшие» сочиняли свое «Послание» под наитием благоразумия, то отчего же не предположить, что гуслицкие поповщинцы отвергли этот документ под влиянием какого-нибудь другого соображения, тоже имеющего очень мало общего с коренными основами собственно поповщинской секты?

На этот раз гуслицкая строптивость одержала верх. Лжеосвященный собор вынужден был смириться и уступить; с этою целью он издал новое *Соборное Определение*, которое заключает в себе даже не оправдание, а просто-напросто уничтожение всех примирительных попыток, изъясненных в *Окружном Послании*. На этом документе и оканчивается, покамест, любопытный рассказ г. С-на; на нем же кончим и мы.

Мы называем этот рассказ «любопытным», ибо, несмотря на то что в нем о многих интересных подробностях совершенно умолчано (по незнанию, как объясняет сам автор), главный факт до того богат содержанием, что сам по себе дает возможность делать выводы, помимо всяких пропусков и опущений. Но все это не дает нам, однако ж, право назвать издание этого рассказа уместным и своевременным, а тем менее

выводить из сообщаемого факта те заключения о неискренности и двусмысленности, какие выводит из него г. С-н. По мнению нашему, дело это находится в состоянии колебания, а до тех пор пока оно не вышло из этого состояния, невозможно сказать об нем ничего положительного, кроме того, что содержание, которое до

известной поры питало его, начинает, видимо, истощаться. Самое зрелище колебания, всегда сопряженное с непоследовательностями и противоречиями, в сущности, представляет лишь один из естественных и законных фазисов всякого человеческого дела, которому предстоит близкий перелом или поворот. Никакой преднамеренной неискренности или хитро задуманного двусмыслия не может тут быть. Мы желали бы ошибиться, но, судя по тону брошюры, считаем себя вправе думать, что г. С–н именно упустил из вида это обстоятельство; ибо в противном случае он, конечно, усумнился бы обнародовать такие факты, обнародование которых, не отвечая покамест никакой существенной потребности, может лишь усугубить ту непоследовательность и противоречия, на которые жалуется автор.